

ВАС ЛЮБЛЮ

Общая газета,
-1998, -24-30 дек.
- с.16

Однажды он провожал нас в отпуск. До самого отъезда мы сидели на веранде и пили пиво. Когда показались такси, он вдруг быстро подхватил наш багаж и, шагая к машине, весело бросил моему сыну: «Знаешь, когда я умру, мне поставят памятник на Красной площади. Ты с девушкой будешь идти мимо и скажешь: «Этот дядька мне чемоданы таскал...»

«Дядька, слава богу, жив. Правда, я не уверен, что насчет памятника он шутил. Потому как его отношение к своему месту в истории трудно назвать ироничным или застенчивым. Это ведь он о себе: «Моя фамилия Россия, а Евтушенко псевдоним...»

ный критик, что речь идет не о колледже, а об университете? Последний вопрос мне задал сам обиженный Евтушенко, потом достал с полки огромный том составленной им антологии «Строфы века» и ткнул пальцем в последнюю страницу: «Вот здесь я выражаю благодарность университету за помощь в издании антологии русской поэзии. Нет, хороши русофобы, которые нам же наших поэтов открывают! А еще меня упрекнули там же, знаешь, в чем? В смиренности»

Да, это уже был явный перебор. Лично мне Евтушенко, стригущий газоны в американском дворике, может привидеться только в страшном сне.

«Я разный — я натруженный и праздный, я целе- и нецелесообразный. Я весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый...»

Кокетливость этих строк столь

живая режимы, реформы и госперевороты.

С вечера он — самый увлекательный, самый обворожительный, но утробный, пардон, это уже не Женя-Женечка, а общенациональное достояние, Евгений Александрович Евтушенко — холодный, подтянутый, истовый. А как иначе, его же ждут — ненаписанные стихи и романы, неснятые фильмы, неоткрытые фотостанки, несоставленные антологии, незаполненные им телеэкраны, непроиснесенные интервю, неподлученные премии. И если вам будет угодно — несыгранные свадьбы.

Будьте уверены — все это его дождется.

Все говорят, а этот пробует

ЕСЛИ бы «коллективное бессознательное» нашей интеллигенции могло составить некий его портрет, то, возможно, мы прочли бы следующее.

Немыслимый пижон и болтун, мнящий себя гением и диссидентом. На самом деле выскочка, обласанный в свое время разными властями. Конъюнктурно приспособившаяся к очередному режиму, издавал книги, снимал

ничные литературоведы стали разъяснять непонятливому Евгению особенности жизни Нобелевского лауреата, рассказывать о пристрастии Бродского к Венеции, о клятвах последнего никогда не приезжать в Россию, Евтушенко начал белеть лицом. Наконец, поймав паузу, он со стоном выдал: «Но-вы-же-не-про-бо-ва-ли!»

В этом стоне он весь. Мы будем говорить, а он попробует сделать. Ах, сколько писателей в прежние времена выписывали образы героев, способных преодолевать разные, подчас смертельные невзгоды. Но случилось так, что в один прекрасный день, перепарурируя Андре Мальро, — мир вдруг стал похож на их книги. И это «вдруг» сломало бывших певцов мужества, создателей героических эпопей, их социальный имунитет оказался хрупким. А вот Евгений Александрович в очередной раз выказал творческую и человеческую живучесть, что, понятное дело, не встретило массового ликования в литературных профсоюзах.

После августа 91-го пока мы ждали вызревания сладких плодов демократической революции, пока спорили — кто, Ельцин или Горбачев, ГКЧП зажег, Евгений Александрович про эти события роман сочинил. Издал его в нескольких странах и получил за книгу не одну международную премию. И хотя лично мне в этом произведении больше всего нравится название — «Не умирай прежде смерти», — это не умаляет его творческой победы. Он, как писали западные критики, представил читательскому миру единст-

альную статью, которую вряд ли кто печатает. Знаешь, о чем? О том, что каждый человек имеет право говорить то, что он думает! Она так и называется — «Личное мнение».

Сейчас мне тоже смешно. Но по тем временам это был не текст, а, можно сказать, кусок аммонала. И нам пришлось сильно постараться, чтобы секвестирование текста (тогда этим занимались уже не простые ретрограды, а реформаторы КПСС) было минимальным. В общем, сочинение вышло крайне революционным. Чуть позже редакция составила сборник «перестрочных» статей, который во время командировки в Италию я не без гордости вручил на аудиенции Папе Иоанну Павлу II. Эту церемонию посвящения Папы в нашу демократизацию Евгений Александрович прокомментировал с присущей ему скромностью: «Ну меня-то он наверняка прочел...»

О порочащих его связях

— НЕУЖЕЛИ ты выгнал из своего дома Константина Симонова, когда он отказался вступить за Окуджаву? — недоверчиво спросил я его.

— Представь себе. — Он смеется. — Вместе с Константином Михайловичем попросил уйти и Виталия Севастьянова, космонавта. Сейчас он, кажется, с Зюгановым. Это было на моем сорокалети. Булата тогда хотели исключить из партии. В общем Симонов стал мне, беспартийному, объяснять, в чем Окуджава не прав, а Севастьянов ему подкакнул. Ну я обоих и попросил... Потом ходил в горком к Гришину, вроде убедил — Булата наказали слегка, но у него осталась возможность печататься, выезжать за границу...

Все так, но, странное дело, Окуджава, по словам самого Евтушенко, этой помощи не обрадовался. Как не пришел в восторг и Бродский, когда Евгений Александрович порывался помочь ему решить какие-то проблемы в Москве.

Из книги Соломона Волкова «Беседы с Бродским» можно понять, что Нобелевский лауреат отверг предложение потому, что был уверен: Евгений Александрович в дружбе с высшими чинами КГБ, в частности с Андроповым.

Если говорить о высоких связях нашего мемуариста, то он их никогда и не скрывал. Напротив, предлагал друзьям пользоваться своей властью в разные кабинеты. А вот от подозрений в контактах другого вида приходил в крайнее возмущение, что опять же следует из рассказа Бродского. Кстати, в «Волчьем паспорте» Евтушенко то и дело касается своих знакомств и встреч с высокопоставленными чиновниками Лубянки, и вообще эта организация занимает в воспоминаниях свое место. Но вот странность: КГБ в книге у Евтушенко почему-то среднего рода: то есть — ОНО. Не думаю, что такое отношение к месту службы позволил бы себе кадровый офицер или агент.

Кстати, последняя глава «Волчьего паспорта» как раз составлена из архивных документов, газетных цитат, писем в идеологические органы, показывающих, насколько сильно беспокоил Евгений Александрович своим творчеством идеологическую твердь тогдашнего режима. Есть в этой главе и многочисленные материалы КГБ. Мне кажется, из них ясно: «ОНО» все-таки считало поэта своим идеологическим противником.

Как бы то ни было, но желание Евтушенко помочь часто наталкивалось на сопротивление и даже подозрительность близких ему по духу людей.

Что уж тогда говорить о близких.

— Нет, ты можешь мне объяснить, почему моя жизнь все время кому-то не дает покоя? — озабоченно, и одновременно кокетливо спрашивает он. — Ты знаешь, в чем они меня еще очень мало обвиняли? Никогда не догадаешься. Я Литинститут не заволок, у меня же высшего нет!

Космополит без диплома

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, в 57-м его выгнали из Литинститута — за то, что он попытался защитить роман Дудинцева «Не хлебом единым».

В самом деле, это он, пытаясь вступить за великого русского писателя, позвонил председателю КГБ Андропову (вот они, высокие связи!) и произнес этакую возвышенную, граничащую с пошлостью фразу: «Если Солженицын окажется в тюрьме, я умру на баррикадах!»

На баррикады он не попал, а

Женя, Женечка и Евтух...

Тихая американская старость

НАПИСАТЬ о нем я собирался и раньше. А тут повод — в издательстве «Вагриус» вышла его автобиографическая книга «Волчий паспорт», которая сразу же привела ряд отечественных критиков в возбужденное состояние.

Мне почему-то кажется, что, если бы однажды он сподобился издать книгу с пустыми страницами, бдительная литературная общественность нашла бы что ему предъявить и о чем поспорить. Ни одна фигура в советской, а ныне в российской литературе не вызывала столь неоднозначного к себе отношения, столь полярных, но отнюдь не прохладных чувств. Одни ломились на его вечера, переписывали его стихи в тетрадки, захлебывались восторгом от его обаяния и артистизма. Другие величали его антихристом, казбашником, приспособленцем и предателем, сжигали его чучело и писали о нем всевозможные гадости.

«Волчьему паспорту» тоже, сразу же выставили строгие иски. Кто-то из критиков даже задался вопросом — не слишком ли часто Евтушенко употребляет местоимение «я»? Применительно к жанру автобиографии требование немедленно перейти на «мы», «вы» или «они» кажется несколько странным, но наш случай действительно особый. «Я не преподаю скромность, это не мой предмет», — напомнил Евгений Александрович в одном из интервью.

А уж предвзятому читателю «Волчьего паспорта» не надо сильно стараться, чтобы заметить неистребимую наглость автора — примеривать себя к эпохе!

Но сегодня уже модно упрекать его не в наглости, а в смиренности. У автора одной из самых оригинальных рецензий на «Волчий паспорт» почему-то застыло в памяти лицо Евтушенко, когда тот в одной из телепередач пожаловался на свою маленькую российскую пенсию, объясняя тем самым, почему он подражался преподавать в Америке. «Боже мой, — возмущается рецензент, — да разве всемирная прижизненная слава, приемы у президентов, толпы поклонников и миллионы тиражи книг на счете языков совместимы с самым словом «пенсия»? Да ведь произности его — это уже смирение!»

Вот так, ругали всю жизнь за нескромность, а теперь поставили вопрос по-другому: разве не безобразие, когда такой российский человек, кумир миллионов, забирается в американскую тумаракань, в «заштатный колледж» и за презренные доллары распинается перед шаловливыми американскими детками, которым на Россию-то в сущности наплевать?

Сильный ход, как сказал бы Чубайс.

Я перечитал это обвинение еще раз и пришел в глубокую задумчивость. Если американским студентам до России нет дела, то какого черта они изучают нашу литературу? И знает ли озабочен-

же несомненна, как и наличие в них серьезной правды о себе.

Он не повесился, побрился и привет!

ОН МОЖЕТ прогулять и проговорить с вами всю ночь, под утро начать клаяться в вечной дружбе, а на следующий день пройдет мимо вас так, будто бы вы с ним не знакомы. Отчасти я испытал это сам и множество таких историй слышал от наших общих знакомых. Вот только одно свидетельство: «Ты знаешь, мне казалось, что это судьба меня ему в тот вечер подарила. Он ведь был так растерзан сорой со своей тогдашней женой, что когда я при-

фильмы, устраивал творческие вечера. Обездлил весь мир, умело втирался в компании президентов, великих писателей и кинозвезд. Имел множество романов, несколько жен, его дети разбросаны по разным странам. Дешевый актер с претензиями на мессианство. Убежденный эгоист. Злая тайна русофоб. В настоящее время живет в США, подвизаясь на преподавательской работе в «заштатном колледже», и даже отсюда наставляет на том, чтобы его стихи были положены на музыку Глинки, то есть поровит стать автором нашего русского гимна...

Короче Евтух, как любят его называть, сатирический персонаж.

венный роман о современной России.

Естественно, что коллеги тут же воздали должное конъюнктурным порывам автора.

А уж что он только не напустился после выпуска уже упомянутой антологии русской поэзии. Одним не нравился подбор стихов, другим — поэтов, третьи вообще бились в истерику — это по какому же праву Евтушенко взялся за составление «Строфы века».

Естественно, составитель на критику ответил с присущей ему учтивостью: «Я сделал — какую считал нужным. Не нравится — сделайте лучше». Потом он взялся за телевизионный вариант — «Поэт в России больше чем поэт». В те-

вел его к себе, то страшно боялся уснуть. Мне казалось, я задремаю, а Женя повесится. Когда утром, я, слабый, в ужасе открыл глаза, то увидел его, свежего, отдохнувшего, выбритого моей бритвой и благоухающего моим одеколоном. Он только скинул на меня свои, играющие предвкушением грядущего дня глаза и сказал: «Пока, старичок...» В другой раз, когда мы случайно встретились с ним в Лондоне и опять провели вместе, как мне казалось, лучшие, с точки зрения мужской дружбы, часы, я снова расставался с ним в радости и надежде. Но спустя неделю в Москве я бросился к нему в Доме литераторов, а он, что-то буркнув, пропел мимо, напоминая ледяной столб.

Что делать, поэт. Широкий диапазон чувств. От пылкой влюбленности до безмолвного созерцания. Но кто вправе предъявлять ему иск, требуя большего тепла, улыбки, преданности? Кому не ясно, что именно этот «разумный эгоизм» и был и есть условие успешной работы его кузины по производству собственного счастья. Кузина работает бесперебойно многие годы, пере-

Действительно, а за что такого любить? Сидел бы тихо, как многие, жаловался бы на жизнь, вздыхал о том, как хорошо было раньше. А он? Снова влюбился, женился, родил еще двух сыновей. Каждый год по договору, заключенному с Политехническим музеем на много лет, приезжает праздновать в знаменитом зале свой день рождения. Заодно успеет проехаться по стране с поэтическими вечерами. Страна снова в Штаты. Там преподает, книги пишет, компакт-диски выпускает, звонит сюда в разные редакции — предлагает статьи. Да что же это такое делается, товарищи!

Конечно, первое, что приходит в голову, когда думаешь о таком к нему отношении, — зависть. Дескать, всем плохо, а ему, как всегда, хорошо. Но признаем честно: всего, что имеет, он добился сам.

Как-то во времена моей работы в «Литгазете», мы позвали его обсудить идею возрождения поэтических вечеров в Политехническом. Евтушенко слушал, слушал, потом вдруг сказал: «На первый вечер надо пригласить Бродского!»

И когда всезнающие журналисты, томные критикессы и иро-

ние трех лет он, единственный в своем роде, преподавал поэзию миллионам россиян, а мы про «заштатный колледж» заметили.

Итак, один гинял его в том, что он слишком деятелен. Второй упрек куда как серьезнее: Евтушенко — конъюнктурщик, умевший существовать при всех властях и режимах, его игра в диссидента — всего лишь красивая поза.

Что ж, лицедейство в его жизни дело не последнее. Вы бы видели, как он ракетку швыряет, не поправ по мячу, — это Андре Агаси и Марлон Брандо в одном лице.

Но что делать, если он себя таким сочинил. Давным-давно. Все дальнейшее — будничная работа над сохранением образа. А это, заметим, и большая игра, и труд, все здесь требует высокого социального чутья, политической интуиции и того, что в народе обозначается веселым словом «кураж».

Помню, где-то в начале восьмидесятых (тогда я работал в «Советской культуре») он ввалился в редакцию в какой-то пубе, способной обрушить в оборот всех заштитников животного мира сразу. Но в тот день у него были более важные цели: «Я написал гени-

вот Синявского с Даниэлем как мог защищал.

В 68-м дал телеграмму т. Брежневу, в которой протестовал против ввода войск в Чехословакию. Потом сочинил стихотворение «Танки идут по Праге», которое воевое не способствовало решению задач ЦК КПСС в Восточной Европе.

Выразил свое возмущение другим танковым походом нашей армии, написав передаваемое после в рукописях стихотворение «Афганский муравей», которое тоже вряд ли войдет в летопись интернациональных подвигов Советского Союза и его неугомонных правителей.

Ну а история с «Бабьим Яром»?

Когда это стихотворение перепечатали десятки газет во всем мире, советская идеологическая машина буквально завывала: не может быть антисемитизма в стране, победившей фашизм!

Какой ты настоящий русский, Когда забыл про свой народ? Душа, как брочки, стала узкой, Пустой, как лестничник пролет.

Такая вот тонкая поэзия была вызвана к жизни антипатриотическим поступком Евтушенка.

«У нас не существует еврейского вопроса, а те, кто выдумывает его, поют с чужого голоса...» — это уже сам Никита Сергеевич Хрущев нашего поэта поправляет. Чего уж там говорить о «мнениях» рабочих и крестьян, рядовых коммунистов, кому интересно — в «Волчьем паспорте» они приводятся, и от этих цитат становится просто жутко.

Год назад он примчался из

Америки, чтобы выступить на 100-летнем юбилее Михоаса. А на следующий день уже читал со сцены театра на Малой Бронной свою пьесу «Если бы датчане были евреями». Читал, играя какую-то роль и сильно при этом стараясь. Выходило, на мой взгляд, плохо. Но сколько вдохновенного огня и ненависти к антисемитам всего мира!

Сидящая впереди меня еврейская женщина наклонилась к соседке и тихо сказала: «Послушайте, как он не боится! А если сюда придут баркашники?» Я чуть было не крикнул: «Да он об этом только мечтает!» Национальный поэт, бросающий слова презрения какому-нибудь орущему с балкона Макашову — ох, такой эпизод придал бы его выступлению всегда желанную скандальность.

Увы, антисемиты не пришли, но случилось другое: через день он был осмеян и осужден не «Черной сотней», а вполне демократической газетой. Дескать, ишь приехал покровославиться. Он при всех своих эпатирующих нарядах, при немислимых желто-оранжевых кофтах и блестящих звездами пиджаках бывает трогательно старомоден и провинциален. Ходит много слухов о его цинизме и презрении к людям. Я не помню, чтобы он хоть одним дурным словом помянул хотя бы одну из своих бывших жен. Конечно, из всех его рассказов о любовных романах вытекает, что в каждом из них был один носитель высокого и светлого чувства — это он сам. При нем он говорил своему старшему сыну Пете: «Твоя мама — удивительная женщина. Кстати, какого она мнения о моем «Волчьем паспорте?»»

Он старается заботиться о всех своих детях. В его доме уже который год живет семья его друзей — беженцев из Абхазии.

Помню, как однажды при мне он выбрасывал из своего шкафа кучу пиджаков и кричал одному начинающему, голодному, только что выпешедшему из тюрьмы: «Выбирай любой!» А когда тот выбрал блейзер, подаренный президентом США, хозяин не переставал — просто отрезал себе на память пуговицы.

Если говорить серьезно, то при всех издержках и недостатках, при всей спорности этой фигуры, Евтушенко — один из последних шестидесятников, из тех, кто нынешние свободы все-таки приближал. Возможно, что ощущение себя уходящей натурой как раз и бросает его на каждодневную борьбу с собственным возрастом, с временем, которое хочется остановить.

Почему он так назвал книгу? «Волчий паспорт» автору в глубоком детстве привиделась плохая характеристика, выданная ему в школе. С тех пор и стал считать себя вечным изгоем, степным волком, борцом-одиночкой.

Для его феерической жизни неправдоподобно. Для литературы, даже мемуарной, чересчур выпендрено.

Впрочем, я не критик. Ни его жизни, ни того, что он сочинил. Знаю, что если он позвонит, то сразу же даст понять — он снова в окружении врагов, но полон замыслов. А третьей фразой будет: «Слушай, я написал гениальную статью...»

С этим уже ничего не поделаешь.

Юрий СОЛОМОНОВ

Фото Сергея СВИНЦОВА